

КЪ ИСТОРИИ ДУХОБОРЦЕВЪ

Харьковской губерніи.

Предлагаемая замѣтка содержитъ нѣсколько данныхъ изъ исторіи духоворцевъ Харьковской губ., заимствованныхъ изъ матеріаловъ Харьковского историческаго архива Историко-Филологическаго Общества („Дѣло о выпущенныхъ Духоборцахъ Слободско-украинской губ. по Высочайшему повелѣнію 1801 г.“ № 56), не вошедшихъ въ изслѣдованіе проф. А. С. Лебедева „Духоборцы въ Слободской Украинѣ“.

Интересныя дополненія къ архивнымъ матеріаламъ представляютъ записки сенатора Лопухина, въ 1801 г. ревизовавшаго вмѣстѣ съ другимъ сенаторомъ Слободскую губ. Проникнутый терпимостью Государя Александра Павловича и заинтересованный судьбою духоворцевъ, тогда только что водворенныхъ изъ ссылки на прежнихъ мѣстахъ жительства, Лопухинъ еще въ Бѣлгородѣ, по пути въ Харьковъ, собиралъ о нихъ свѣдѣнія.

Императоръ Александръ I, чрезъ 5 дней по вступленіи на престолъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 17 марта 1801 г., освободилъ всѣхъ сосланныхъ духоворцевъ, находившихся въ Динаминдской крѣпости и въ Екатеринбургѣ, числомъ 203 чел. об. п. Слободско-украинской и Новороссійской губ. Изъ Екатеринбурга было отправлено 19 чел. об. п. Слободско-украинской губ. Зміевского уѣзда с. Береки. Бѣльшее число слободскихъ духоворцевъ находилось въ Динаминдской крѣпости—148 чел. (Между документами архива находится списокъ духоворцевъ, сосланныхъ сначала на островъ Эзель, а затѣмъ переведенныхъ въ острогъ Динаминдской крѣпости въ 1799 г. Фамиліи духоворцевъ указываютъ на великорусское происхожденіе ихъ, какъ напр.: Щекинъ, Голицевъ, Гремякинъ, Позняковъ, Малаховъ, Махонинъ и проч.). Освобожденнымъ были выданы деньги, вырученныя отъ продажи конфискованнаго ихъ имущества. Изъ архивныхъ документовъ видно, что деньги получили только однодворцы с. Береки Зміевского уѣзда: Михаилъ Строевъ—283 р. 18¹/₂ к., Трофимъ Баевъ—64 р. 97 к., Онисимъ Кухтинъ—34 р. 65³/₄ к. и Кухтина—122 р. 63³/₄ к.

Всѣ возвращаемые духоборцы прибывали партіями сначала въ Харьковъ, откуда ихъ высылали на прежнія мѣста ихъ жительства. Первая партія явилась въ Харьковъ въ Маѣ 1801 г. Водворяемыхъ духоборцевъ бывшіе ихъ односельчане встрѣтили непривѣтливо. Прибывшіе въ с. Салтово-Терново духоборцы не были впущены жителями въ ихъ жилища, такъ что были принуждены болѣе сутокъ простоять въ полѣ. Въ жалобѣ, поданной вице-губернатору, на такое отношеніе къ нимъ жителей с. Салтово-Терново, духоборцы просятъ перевести ихъ въ какое-либо другое мѣсто, потому что злоба односельчанъ къ нимъ такъ велика, что уже подано ими заявленіе, будто новоприбывшіе прельщаютъ православныхъ въ свою ересь (см. названное изслѣдованіе проф. А. С. Лебедева, стр. 14). Когда нѣсколько духоборцевъ наняли у помѣщика постоянный дворъ въ слободѣ Липцахъ, то волостное правленіе обратилось съ просьбой въ Харьковскій Нижній Земскій Судъ, дабы было воспрещено духоборцамъ содержать постоянный дворъ, потому что они будутъ распространять въ Липцахъ свою ересь. Отношенія между духоборцами и ихъ односельчанами еще болѣе обострились, когда первые пожелали вступить во владѣніе прежнимъ своимъ недвижимымъ имуществомъ, успѣвшимъ уже перейти въ третьи руки. Духоборцы предлагали новымъ владѣльцамъ за бывшія свои усадьбы цѣны, по которымъ недвижимость ихъ была продана, послѣдніе не соглашались, потому что затратили деньги на увеличеніе усадебъ. Вслѣдствіе жалобъ духоборцевъ, что они раззорены и не могутъ возратить себѣ своихъ прежнихъ жилищъ, что при враждебномъ къ нимъ отношеніи сосѣдей имъ приходится обзаводиться всѣмъ необходимымъ для хозяйства, слободской-украинскій губернаторъ предписалъ нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы власти имѣли особенное попеченіе, дабы духоборцамъ ни отъ кого изъ жителей какъ тѣхъ селеній, гдѣ они были водворены, такъ и отъ жителей ближайшихъ мѣстъ, никакихъ обидъ и притѣсненій чинимо не было. Но мѣстные власти не удовлетворили духоборцевъ; они впослѣдствіи обратились съ просьбами къ сенаторамъ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому въ бытность ихъ въ Харьковѣ.

Одновременно почти съ жалобами духоборцевъ на чинимыя имъ односельчанами обиды, послѣдовали заявленія отъ послѣднихъ, что духоборцы открыли свою ересь и стараются привлечь въ нее православныхъ, произнося хулы на православіе. Губернскими властями наряжено было слѣдствіе надъ оговоренными, виновные были взяты подъ стражу и признаны бунтовщиками (см. „Духоборцы въ Слободской Украинѣ“ проф. А. С. Лебедева. Харьковъ, 1890 г., стр. 12 и слѣд.). Съ извѣстіемъ о бунтѣ духоборцевъ къ бывшимъ въ то время въ Харьковѣ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому явился губернаторъ Зильбергарнишъ. Еще ранѣе, узнавъ объ отправленіи духовныхъ особъ и засѣдателя Изюмскаго Нижняго Земскаго Суда съ при-

стойною командою для увѣщанія духоборцевъ села Петровскаго, дабы они покинули свою ересь, Лопухинъ говорилъ губернатору, что подобныя увѣщанія могутъ вызвать бунтъ, ибо только что возвращенные изъ ссылки духоборцы еще не успѣли вздохнуть свободно. Губернаторъ отговаривался тѣмъ, что распоряженіе объ увѣщаніи духоборцевъ было сдѣлано въ его отсутствіе вице-губернаторомъ, самъ-же онъ находился въ отпуску. Тогда Лопухинъ велѣлъ ему отозвать отправленную команду съ посланными для увѣщанія духовными особами, а о возвращеніи послѣднихъ переговорить съ архіереемъ, ибо еще не время увѣщать духоборцевъ, не успѣвшихъ оправдаться послѣ ссылки, объясняя самый бунтъ увѣщаніемъ, и предполагая, что на вопросъ, сдѣланный духоборцамъ, будутъ ли они платить подати, послѣдніе, будучи раззорены и сами требующіе помощи, отвѣтили отказомъ (см. „Записки сенатора Лопухина“ въ Чт. М. Об. Ист. и Древн. Рос. 1860 г. кн. 3-я, стр. 93-я и слѣд.). Послѣ бесѣды съ Лопухинымъ губернаторъ предписалъ Изюмскому Нижнему Земскому Суду, чтобы относительно духоборцевъ не употребляли ни малѣйшей строгости, не заключали-бы ихъ подъ караулъ, арестованныхъ-же немедленно освободили-бы и вообще обращались-бы съ ними кротко и терпѣливо, ни въ чемъ не стѣсня ихъ свободы и прекративъ всякое слѣдствіе о нихъ. Изюмскій Нижній Земскій Судъ, въ отвѣтъ на предписаніе губернатора, отправилъ ему показанія, снятыя съ бывшихъ подъ стражею духоборцевъ, на основаніи которыхъ они были арестованы. Одинъ изъ этихъ арестованныхъ показалъ слѣдующее (Сергѣй Ивановъ сынъ Поповъ, 67 лѣтъ отъ роду): „родился въ Бѣлогородской губ. отъ отца и матери, которые исповѣдывались и пріобщались св. тайнъ въ *святскихъ* (православныхъ) церквахъ; лѣтъ сорокъ тому назадъ перешелъ съ ними на жительство въ слободу Петровскую, гдѣ женился на дочери Петровскаго жителя Андрея Дергачева—Прасковіи, вѣнчанъ былъ съ нею въ Петровской церкви“ (дальнѣйшее показаніе, выражающее сущность духоборческаго ученія, см. въ изслѣдованіи проф. А. С. Лебедева). Жена Попова и 3 сына показали во всемъ согласно съ показаніемъ: первая мужа, вторые—отца, добавивъ, что хотя они, въ бытность отца въ военной службѣ и въ ссылкѣ, ходили въ церковь и пріобщались ежегодно, но дѣлали это по настоянію священника и по принужденію сельскихъ начальниковъ, нынѣ-же отъ того отвергаются и на будущее время намѣрены пребывать въ духоборчествѣ. Другой допрошенный духоборецъ (Иванъ Абрамовъ Сукрутовъ) далъ показанія подобно Попову, отвѣтивъ на вопросъ сколько ему лѣтъ, что „по духу ему 12 лѣтъ (т. е. со времени вступленія его въ духоборческую ересь), а по плоти сколько лѣтъ, не знаетъ“.

Изъ обратившихся въ православіе духоборцевъ послѣ увѣщаній одинъ показалъ, что въ духоборчество онъ былъ совращенъ въ бытность его на

службѣ въ Екатеринославскомъ казачьемъ войскѣ, въ мѣстечкѣ Каушаны, во время взятія города Бендеръ. Ставъ духоборцемъ, онъ во всемъ поступалъ по обряду христіанскому, не желая обнаружить своего отступничества (изъ дѣла Х. И. А.).

Настоявъ на прекращеніи увѣщаній, чинимыхъ духоборцамъ, и на освобожденіи ихъ изъ подъ стражи, Лопухинъ и товарищъ его сенаторъ Нелединскій-Мелецкій послали къ Государю донесеніе о возникшемъ дѣлѣ духоборцевъ (12-го ноября 1801 г.). При этомъ донесеніи Лопухинъ присоединилъ выписку о духоборцахъ, въ которой излагаетъ исторію появленія ихъ секты и сущность ихъ ученія. („Чт. М. Об. Ист. и Др. Рос.“ 1864 г. кн. 4-я „Выписка о духоборцахъ“ сенатора Лопухина, стр. 47). Образъ жизни духоборцевъ Лопухинъ называетъ воздержнымъ и добропорядочнымъ, полагая, что фанатизмъ ихъ былъ вызванъ суровыми мѣрами (ibid. p. 48).

Въ донесеніи своемъ Государю (12 ноября 1801 г.) Лопухинъ [и Нелединскій-Мелецкій, игравшій во всѣхъ распоряженіяхъ Лопухина относительно духоборцевъ второстепенную роль, объясняютъ свое вмѣшательство въ возникшее дѣло о духоборцахъ приказаніемъ Государя обратить вниманіе на все примѣчательное въ ревизуемой ими Слободско-Украинской губ. „Прежде нашего сюда (въ Харьковъ) пріѣзда, доносятъ сенаторы, начальство здѣшнее, отъ избытка, конечно, усердія, но не проникнувъ въ прямое существо Высочайшаго о духоборцахъ оныхъ указы Вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ В. И. В. При ономъ нарядномъ увѣщаніи вопросы, не искусно, конечно, сдѣланные, исторгли изъ увѣщаемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и раззоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ не существующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратило ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо болѣе черныхъ, нежели онѣ на самомъ дѣлѣ суть“ (Чт. М. Об. Ист. и Др. 1860 г. кн. 3-я, стр. 95 „Записки Лопухина“). Объяснивъ раздраженіе духоборцевъ неумѣненіемъ увѣщателей, сенаторы донесли Государю, что изъ бесѣдъ своихъ съ духоборцами они увидѣли въ нихъ чувства особенной благодарности къ освободившему ихъ Государю и готовность повиноваться монаршей власти и исполнять всѣ обязанности вѣрноподданныхъ, и что вслѣдствіе этого ими, сенаторами, приказано всякій розыскъ о духоборцахъ прекратить и арестованныхъ освободить, мѣстному-же начальству они изъяснили Высочайшую волю относительно обращенія съ духоборцами такъ: „въ повелѣніи предоставлять духовнымъ

особамъ вразумлять духоборцевъ на путь истины безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда, образомъ смущать и устрашать могущимъ, производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопреніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божію и Евангельскому ученію, жизнию своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковы пастыри, естественно вкореняя о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бесѣдамъ своимъ, и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающіе просвѣщенія и къ закону Божію внутренне ревностные, но заблуждающіе въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданническаго долга и обязанности, то слѣдую мудрому В. И. В. соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами В. И. В. и государственными законами, по общему гражданскому и земскому состоянію; съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ-же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія, если же бы кто на дѣлѣ оказался прямо возмутителемъ противу власти и общаго спокойствія, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ* (ibid. p. 97).

Одновременно съ этимъ донесеніемъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, и слободской-украинскій губернаторъ отправилъ Государю всеподданнѣйшій рапортъ съ изложеніемъ возникшаго о духоборцахъ дѣла, подвліяніемъ Лопухина увидѣвъ въ словахъ и поступкахъ ихъ не бунтъ (см. „Духоборцы“ проф. А. С. Лебедева, стр. 18-я). Собравшіеся въ это время въ Харьковѣ духоборцы, ободренные кроткимъ обращеніемъ сенаторовъ, стали подавать имъ разныя просьбы. Двое изъ нихъ, казаки слободы Охочей (Баевъ и Сидоровъ), просили Лопухина, чтобы дома ихъ, пріобрѣтенныя ими на о. Эзелѣ, за которые одному изъ нихъ (первому) предлагали 325 руб., а другому (второму) 158 руб., были-бы проданы и вырученное отъ продажи выдали-бы имъ. Въ предписаніи губернатору позаботиться объ удовлетвореніи этихъ просьбъ, сенаторы опять высказали желаніе, дабы губернаторъ заботился о защитѣ духоборцевъ „отъ притѣснительныхъ посядствій предразсудка и превратныхъ понятій земскихъ начальствъ“, не правильно понимавшихъ и толковавшихъ показанія духоборцевъ, въ чемъ они, сенаторы, и губернаторъ самъ, имѣли случай убѣдиться, когда духоборцы показали имъ противное тому, что о нихъ доносили власти. Съ бывшими въ Харьковѣ духоборцами Лопухинъ бесѣдовалъ ежедневно; они его

полюбили и говорили съ нимъ откровенно. „Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности, и скептического особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о христіанствѣ самыя коренныя и правильныя“, говоритъ Лопухинъ въ своихъ Запискахъ (стр. 98). Онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что никто почти изъ духоборцевъ не зналъ хорошо грамоты, писать-же изъ многихъ, бывшихъ у него умѣлъ только одинъ, да и то плохо, но всякій говорилъ „какъ книга“. Послѣ неоднократныхъ бесѣдъ съ сенаторами, духоборцы подали имъ прошеніе, въ которомъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе поселиться въ особое поселеніе. Тогда Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій послали второе донесеніе на Высочайшее имя (3 дек. 1801 г.), въ которомъ, изъясняя образъ мыслей духоборцевъ, передаютъ ихъ просьбу поселиться въ особое поселеніе, предлагая Государю не дозволять имъ учреждать у себя своихъ волостныхъ управленій, но учредить надъ ними начальство изъ чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуетливыхъ; помѣстить селенія ихъ около городовъ и селеній, священники которыхъ добрымъ примѣромъ жизни своей и убѣдительною проповѣдью привлекали-бы къ себѣ духоборцевъ. Въ этомъ же всеподданнѣйшемъ донесеніи сенаторы свидѣтельствуютъ о крайней бѣдности возвращенныхъ изъ ссылки, хотя имъ и были даны деньги, вырученные отъ продажи ихъ имущества, но имущество это было продано послѣ ихъ ссылки за безцѣнокъ.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій получили Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь, изъявляя имъ благодарность за всѣ ихъ распоряженія въ дѣлѣ духоборцевъ, предписывалъ имъ наблюдать, чтобы всѣ ихъ распоряженія относительно духоборцевъ приведены были въ исполненіе. Тогда-же Государь повелѣлъ слободскому-украинскому губернатору въ обращеніи съ духоборцами слѣдовать примѣру сенаторовъ, войти въ нужды духоборцевъ и представить Ему, въ какомъ положеніи находится ихъ хозяйство, имѣютъ-ли они жилища, стали-ли заниматься хлѣбопашествомъ, есть-ли у нихъ деньги на уплату повинностей; если-же у нихъ не окажется средствъ на постройку жилищъ, то, узнавъ о потребной имъ на то суммѣ, немедленно доложить, показавъ тѣмъ, что правительство заботится о нихъ (изъ Дѣла х. и. архива). Мысль о переселеніи духоборцевъ была одобрена Государемъ. Цѣлью этого переселенія было желаніе защитить духоборцевъ отъ народной нелюбви, а отъ православныхъ—удалить соблазнъ. Мѣстомъ для поселенія духоборцевъ были избраны мѣста по теченію р. Молочной (Таврической губ., Мелитопольскаго уѣзда), гдѣ они и были водворены Высочайшимъ указомъ 25 января 1802 г. при слѣдующихъ льготныхъ условіяхъ: на каждую переселившуюся душу назна-

чено было по 15 десятинъ земли; всѣ переселенные освобождались на 5 лѣтъ отъ всѣхъ государственныхъ податей; при самомъ переселеніи выдано было изъ казны по 100 руб. на каждое семейство заимообразно, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи 10 лѣтъ сумма эта была взыскаема съ переселенцевъ въ теченіи 20 лѣтъ, дабы ежегодно каждое семейство уплачивало не болѣе 5 р. (П. С. З. т. XXVII № 20.123).

Первыми поселенцами на берегахъ р. Молочной были духоборцы Слободско-украинской и Екатеринославской губ. въ количествѣ 296 душъ, основавшіе здѣсь слободу Богдановку и занявшіеся земледѣліемъ (О духоборцахъ послѣ переселенія ихъ на берега р. Молочной см. „Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе“ О. Новицкаго, изд. 2-е; Скальковскаго, въ Кіевской Старинѣ 1887 г. апрѣль, стр. 777; Юзова „Русскіе Диссиденты“). Сюда къ нимъ, съ разрѣшенія правительства, стали переселяться (съ начала 1805 г.) духоборцы Тамбовской и Воронежской губ. въ количествѣ 494 душъ, а затѣмъ и изъ другихъ мѣстъ Россіи (земли войска Донскаго, Херсонской, Таврической, Астраханской, Пензенской губ.). Къ концу 1808 г. у нихъ было уже 9 деревень: Богдановка, Спасское, Троицкое, Терпѣніе, Тамбовка на берегахъ р. Молочной, и Родіоновка, Ефремовка, Горѣлое и Кириловка при лиманѣ той-же рѣки, впадающей въ Азовское море („Духоборцы“ Новицкаго, 2-е изд., стр. 63—85). Въ послѣдніе годы царствованія Александра I отношеніе правительства къ духоборцамъ измѣнилось, въ чемъ они сами были виновны, а при Императорѣ Николаѣ I въ 1830 г. былъ изданъ указъ, по которому еретики: духоборцы, иконоборцы, молокане, іудействующіе, изобличенные въ распространеніи своихъ ересей, буйствахъ и дерзостяхъ противъ церкви, духовенства и вѣры, должны были быть преданы суду; признанные-же виновными подлежали отдачѣ въ солдаты въ Кавказскій корпусъ. Этимъ-же указомъ переселеніе духоборцевъ въ Новороссію было прекращено, велѣно-же было впредь переселять желающихъ въ Закавказье (ibid. p. 128). Въ 1839 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переселеніи всѣхъ духоборцевъ съ береговъ р. Молочной въ Закавказье. Причиною этому, по словамъ произведеннаго разслѣдованія, были сами Духоборцы: они укрывали у себя злодѣевъ и преступниковъ, подвергали жестокимъ пыткамъ и смерти своихъ единомышленниковъ, подозрѣваемыхъ въ отпаденіи отъ ихъ ереси. Переселеніе духоборцевъ изъ Новороссіи въ Закавказье совершалось отъ 1841 г. (когда ихъ насчитывалось въ 9 селеніяхъ до 4505 душъ. См. „Кіевская Старина“ изслѣдованіе Скальковскаго) по 1845 г. Всѣхъ переселенныхъ было болѣе 4.000 душъ (у Новицкаго, стр. 154).

В. Савва.